

ЕЛЕНА ХЬЮС

**ДВОЙНОЕ
ГРАЖДАНСТВО**

Елена Хьюс

**ДВОЙНОЕ
ГРАЖДАНСТВО**

БОСТОН • 2017 • BOSTON

Елена Хьюс *Двойное гражданство*

Copyright © 2016 by Elena Hughes

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder except for the brief quotations in a book review.

ISBN 978-1-940220604

Library of Congress Control Number: 2017901435

Published by M•GRAPHICS, BOSTON, MA

☐ www.mgraphics-publishing.com

✉ info@mgraphics-publishing.com
mgraphics.books@gmail.com

Дизайн обложки: Н. Коэн, © 2017

Модуль переносов русского языка **Ван**[™]: И.В. Батов (www.batov.ru)

Отпечатано в США

«На чужой стороне даже сокола зовут вороной»

Владимир Даль

От автора

Каждый распоряжается своей жизнью по-своему и порой, невзирая на самые амбициозные планы, становится заложником неожиданных обстоятельств. К сожалению, проживая среди людей, мы постоянно сталкиваемся не только с наиболее яркими и талантливыми личностями, которыми восторгаемся и к которым обычно тянемся. Увы, на нашем пути нередко попадают тихие завистники чужого успеха и откровенные негодяи, не испытывающие угрызений совести после совершения своих подлых поступков.

Но, как бы то ни было, в течение жизни мы учимся лавировать в любых условиях и, становясь старше, мудро размышляем об уготованной участи. Очень часто нашу судьбу определяет страна проживания. И чем она экономически богаче и политически сильнее, тем вероятнее в ней должны быть достижение успехов и построение счастливой жизни. А какими именно событиями её наполнить — личное дело каждого.

Тема двойного гражданства всегда была болезненной для тех, кто эмигрировал из идеологически недружелюбной по отношению к Америке стране. Мне посчастливилось родиться и вырасти в Советском Союзе, а, повзрослев, поселиться в США. Я до сих пор не скрываю своих русских корней, которыми горжусь, потому что отрицать культурное наследие — это намеренно всячески себя обеднять. Став американкой, иммигрировав в США в июне 1996 года и полностью примерив на себя американские ценности, я потерялась где-то посередине. Меня отторгает российская сторона и полностью не принимает американская. Вероятно, если бы я не посягала на социальные высоты и довольствовалась бы ролью простой американской жены-домохозяйки, моя жизнь протекала бы без осложнений. Но мне захотелось иного и большего. А за это приходится расплачиваться.

«Бей своих, чтобы чужие боялись» — расхожая поговорка у русских. Её подтверждение я постоянно нахожу при общении с соотечественниками, особенно с теми, кто представляет в США российские власти или находится в тесной связи с Россией. При любом обращении в официальные заведения постоянно испытываешь унижение, которое уже с порога дают почувствовать строгие молодые сотрудники, разговаривающие назидательным тоном. В подобных ситуациях очень сожалешь, что имеешь русскую внешность, потому что отношение к иностранцам в таких местах гораздо милосерднее. Обычно при знакомстве с бывшими соотечественниками обязательно имеешь дело с оппортунистами и очень редко с теми, кто по-настоящему искренен и сердечен. Те, кто нуждаются в малейшей помощи, будут пытаться тщательно исследовать твои возможности для дальнейшей долговременной их эксплуатации. А, обретя уверенность после длительного проживания и став самодостаточными, выходцы из России демонстрируют высокомерие и полную отстранённость от всего того, чем, казалось, дорожили раньше в период своего становления. Многим просто требуется использовать любое поверхностное знакомство с людьми для продажи своих изделий или услуг. И как здесь не вспомнить про «своих»?

В свою очередь, демонстрация искренней лояльности Америке также воспринимается с недоверием или подозрением, особенно при упоминании страны происхождения — России.

Моя автобиографическая повесть — краткий обзор двадцатилетнего иммигрантского опыта натурализованной русской американки. В ней я отразила свои чаяния и надежды, которые с каждым годом жизни в столь притягательной стране то вспыхивали, то угасали. По мере ознакомления с её внутренним устройством, я начинала испытывать себя то в одном, то в другом качестве. Став счастливой и успешной, я неосмотрительно расплескала всё то, чем должна была дорожить и пользоваться в одиночку. Но случилось чудо: я снова смогла ухватить свою птицу счастья и начать наслаждаться жизнью. Повзрослевшую и набравшуюся опыта проживания в ранее чужой стране, меня

несколько раз пытались «утопить», а я всё равно оказывалась на плаву.

Все невзгоды легче преодолевать вдвоём. Именно так у меня и сложилось. Я встретила родственную душу — своего талантливого и незаурядного Роберта. И моя жизнь в Америке вновь запестрила полосами. Да ещё какими яркими! Происшествия с ним заслуживают особого внимания, потому что являются исключительными, тем самым причисляя его к редкой команде «счастливец», в которой я также оказалась, но в другое время.

Пусть изложенное будет поучительным примером для тех, кто решится на подобный жизненный «эксперимент». Ведь не всем сопутствует частое «везение», с которым я постоянно сталкивалась на протяжении этих двадцати лет. Узнав мою историю, я надеюсь, вы поймёте, каково это — быть гражданкой двух великих государств одновременно.

*Елена Хьюс
г. Вашингтон*

Глава 1

Спросите любого русского, хочет ли он поехать в Америку хотя бы просто так, туристом. На месяц, на два. А если еще и поработать, да еще и с перспективой задержаться там на полгода, на год... Звучит очень соблазнительно, особенно когда это тебе предлагает солидный американский профессионал (юрист) далеко не юного возраста (в то время за семьдесят), который, побывав в Москве в 1995 году, захотел для себя новых открытий и прочных связей с бывшими советскими республиками, а также прилегающими к ним странами Восточной Европы. Его тянуло к славянам, так как, по легендам, которые ему довелось услышать, проживая в дальнем пригороде Чикаго, славяне, и русские в первую очередь, отличаются небывалой физической выносливостью, неоспоримой красотой, природным умом и разными самобытными талантами, которые традиционно развивают уже смолоду. И особенно привлекательными ему казались русские женщины, которые неизменно очень милы, образованны, трудолюбивы, преданны и романтичны, причем почти все. Это как бы национальные черты, по которым легко опознать русских, даже если они затесались в толпу подобных им русоволосых и не очень броско одетых людей. Обязательно будут выдавать скромное достоинство, серьезная сосредоточенность, граничащая с настороженностью, и хорошо развитое чувство стиля.

Я встретила с Гербом Райсом в Москве, когда ещё работала в Консорциуме Европейского экономического сообщества и увлеченно занималась маркетингом с англичанами, которые мало что знали о потребительской кооперации в России, особенно в ее глубинке. Но в рамках программы ТАСИС, разработанной ЕС, было принято решение развивать существующую потребительскую кооперацию на европейский манер с созданием сети привлекательных для покупателей магазинов, кафе быстрого обслуживания и мини-пекарен. Главной идеей было задействовать всё лучшее и наиболее эффективное

местное технологическое оборудование. Ресурсы, в том числе и продовольственные, предполагалось черпать исключительно из местных источников — предприятий потребкооперации, располагавших своими огромными колхозными угодьями с фермами, пастбищами и огородами. Взор был обращен сначала на Москву и ее пригороды, а позже на северо-запад России: Санкт-Петербург и Новгород Великий.

Побывав в Оксфорде зимой-весной 1995 года в служебной командировке, организованной Консорциумом, я вернулась домой, в Москву, и с энтузиазмом принялась за оставленную на время моего отсутствия работу. Предстояло принять участие в написании бизнес-плана для будущего грандиозного проекта, финансируемого Евросоюзом, а позже запустить само экспериментальное предприятие. Работа продвигалась очень успешно. Для освещения прогресса в Новгородскую область приезжали телерепортёры из Би-Би-Си. В то время было удивительно наблюдать спешащих в крупный (по тем временам), расположенный в северо-западной российской глубинке, супермаркет, где все было расфасовано, красиво упаковано, очищено, отмыто, завлекательно сверкало и вкусно пахло. К тому же, там было почти всё, что требовалось к столу и олицетворяло «капиталистический» образ жизни.

Находясь в это время по служебным делам в Новгороде и Санкт-Петербурге и спеша на оптовую ярмарку, ранним солнечным днем 1 сентября я попала в жуткую аварию на дороге, ведущей из города Пушкин в Санкт-Петербург. Молодой водитель Саша лихо управлял машиной «Жигули», принадлежащей Консорциуму, и стремился побыстрее привезти своих троих пассажиров в Санкт-Петербург, а оказавшись там, «оторваться» от своих забот и предаться красивой городской жизни. Увы, его мечта не осуществилась: на большой скорости «Жигули» проехали на красный свет и получили в заднее правое крыло мощный удар, от которого и без того уже легко пострадавшую небольшую машину отбросило к телеграфному столбу. Это и положило конец её дальнейшему движению. От удара о телеграфный столб у машины сломалась задняя ось, и она перевернулась. Как будто в замедленной киносъёмке я помню собрав-

шуюся огромную толпу зевак и то, как эту толпу отгородили поспешившие на место происшествия милицейские машины. Вспоминаю, как к нам долго не подпускали совсем не скоро приехавшую «скорую помощь» и как сотрудники ГАИ вели долгую словесную перепалку с благополучно выбравшимися из нашей машины водителем и пассажиром с переднего сиденья — переводчиком Вадимом. Впоследствии выяснилось, что они состояли между собой в родстве (молодой водитель Саша был шурином нашего новгородского координатора — сотрудника филиала Консорциума в Новгороде Великом).

Чудом уцелев, я была переправлена поездом в Москву для лечения. До этого в местной новгородской больнице у меня не обнаружили каких-либо серьёзных увечий, а лишь замазали и забинтовали кровоточащие раны на голове и на руках. В Москве мне предстояло неприятное долгое хождение по врачам и почти целый месяц строгого постельного режима, так как обнаружили серьёзное сотрясение мозга, сильный ушиб позвоночника и, как следствие, возникшие тупые головные боли и пугающие боли в спине.

Большую моральную поддержку я получила от своего непосредственного начальника — англичанина Питера, который обладал лёгким авантюрным характером и всегда умел находить нужные слова одобрения и вдохновения. В период своей аккредитации в Евросоюзе он сумел установить контакт с самим Дмитрием Лихачёвым, организовав себе командировки в Санкт-Петербург по месту проживания прославленного академика. Результатом его целенаправленных поездок стала организация совместного Пушкинского фонда. Питер был назначен английским представителем этого фонда, так как (по его утверждению) являлся потомком великого поэта России. Позже, когда наш проект был завершён, он вернулся в Англию, где продолжал осуществлять свои ответственные полномочия. У меня это вызывало умиление и ассоциировалось с повествованием о «детях лейтенанта Шмидта».

Именно Питер перед своим отъездом из Москвы весной далёкого 1996 года одобрил моё желание поехать в Америку поработать в конторе пожилого адвоката в качестве специалиста

по маркетингу, подчеркнув, что именно этому меня сначала в Москве, а позже в Оксфорде учили европейские коллеги-эксперты. Город, в который я планировала поехать и о котором ничего не знала, он охарактеризовал как «город блюза» и тут же научил меня правильно произносить его название.

Молодой возраст и жажда жизни взяли свое: мне было ровно сорок лет и все самые жуткие ощущения остались позади. Очень хотелось отпраздновать благополучное возвращение к нормальной повседневной жизни, и я это сделала вместе со своей мамой.

Моя очень энергичная в то время мама Вера Васильевна, изучив в далекой молодости два иностранных языка (английский и немецкий) и получив два высших образования, все годы, как и мой папа Василий Петрович, занималась педагогической работой. Последние пятнадцать лет это была работа старшим преподавателем политэкономии в Новосибирской консерватории, когда мы всей семьей ещё жили в самом центре Новосибирска в элитном пятиэтажном доме. Там жили директора оборонных предприятий, генералы, заведующие городскими управлениями, музыканты-профессора консерватории, артисты театров и кино и другие важные люди. Консерватория была буквально в пяти минутах ходьбы от нашего дома. Из её распахнутых окон всегда лились звуки музыки: будь то тягучий смычок, бороздивший струны чьей-то плохо настроенной виолончели, широко разливающийся крепнущий голос будущей оперной примадонны или шумная репетиция целого оркестра. В консерватории мы с моей старшей сестрой Ольгой посещали все лучшие концерты. Любимые мамини студентки-вокалистки несколько раз помогали мне разучивать разные популярные песни и готовиться к участию в школьных музыкальных конкурсах. Именно благодаря работавшей там маме мы с сестрой присутствовали при установке первого в Сибири органа, звучание которого опробовал сам Гарри Гродберг, согласившийся дать серию концертов.

Также благодаря своим родителям я окончила самую известную и престижную в Новосибирске 10-ю школу, расположенную очень близко к нашему дому. Сюда именитые родители

приводили своих детей в надежде сделать их её учениками, используя всевозможные связи и знакомство с директором Ефимом Наумовичем. Ведь школа была с экспериментальным англо-математическим уклоном, а учителя туда отбирались тоже исключительно по знакомству или строгому конкурсу. Когда-то давным-давно там довелось работать учителями старших классов моим родителям — по образованию историку (папе) и географу (маме). Этот факт, как и близость с домом, сделали для меня возможность учиться в этой школе реальностью. При этом учиться с очень хорошими результатами и преуспевать не только по истории, географии, литературе, русскому и английскому языкам, но и в спорте. Школа славилась ещё и подготовкой лучших спортивных кадров для городских состязаний и крупных чемпионатов.

Правда, именно в этой школе многие мои одноклассники были легко развращены символически обязательным присутствием на уроках 16-летней девушки из Австралии Гали Савва. Её мама, бывшая эмигрантка с Украины, обратившись к самому Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу с просьбой дать возможность её родившейся в австралийском Сиднее от английского мужа дочери пожить и поучиться на юге России два-три года с целью выучить русский язык, добилась-таки благосклонности советского руководства. Однако вместо южного города выходцам из жаркого Сиднея была предоставлена квартира в Новосибирске. В итоге очень яркая и раскрепощённая девушка попала к нам в образцово-показательный класс, разделённый на три группы: слабую (спортсмены и мало способные к экспериментам дети), среднюю (самую многочисленную) и сильную (будущие лингвисты). Наш класс отражал школьную ориентацию на углублённое изучение иностранного языка. Благодаря этой девушке все выучили ненормативный английский язык, включая наиболее употребительные бульварные слова, а также приобщились к курению сигарет «Мальборо» и походам в бар после уроков. Галя пользовалась правом свободного посещения уроков и, находясь в привилегированном положении, сама выбирала, когда и где ей полезнее и приятнее присутствовать. Преуспевала она только по трём дисциплинам.

плинам: английскому языку (родной как-никак), физкультуре (опережая всех в беге на короткие дистанции) и военной подготовке (ей очень понравилась азартная стрельба по мишеням из автомата Калашникова). Военная подготовка была обязательным предметом в школьной программе старших классов и предусматривала не только изучение теории о поражающем действии отравляющих газов, но и разборку и комплектацию знаменитого автомата, из которого нас учили стрелять в положении лёжа.

Два огромных окна нашей двухкомнатной квартиры с высокими, почти в четыре метра, потолками, выходили на городскую сквер «Водник» (по названию расположенного в непосредственной близости Института инженеров водного транспорта, студенты которого любили прогуливать занятия в этом сквере). В центральной его части, ближе к дороге, высился чугунный памятник Ленину с низким металлическим ограждением, куда 22 апреля — в день рождения вождя — ежегодно стекались многочисленные отряды маршировавших детей с юными горнистами во главе колонн. Именно там проходило торжественное посвящение в пионеры. Горнисты, шествовавшие впереди, отчаянно гудели, третьеклассники маршировали не в ногу, учителя их громко подгоняли и указывали, куда именно по приближении к святыне нужно возлагать букеты цветов. Все происходившие в сквере радостные события наряду с более ранними и особенно торжественными, такими как вечерние факельные шествия, традиционно сопровождалось песнопениями либо угрюмых, либо неестественно весёлых и сосредоточенных на важном идеологическом задании людей и оставили в моей детской памяти неизгладимое впечатление. Я до сих пор помню фрагменты одной песни, доносившейся из медленно двигавшейся колонны людей с горящими факелами в руках: «Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил. Чёрные дни миновали, час искупленья пробил».

А чего стоили наши школьные распевания на уроках английского языка и истории в средних классах! Именно там окреп мой голос, и проснулось желание петь громко. Нас заставляли разучивать песни о Ленине и петь их хором не только на рус-

ском, но и на английском языке. Изобретательные учителя английского приобщили нас также к пению незамысловатых американских песенок типа «Roll along covered wagon, roll along», «My Bonnie lies over the ocean», смысл которых в свои одиннадцать лет мы не очень понимали.

А когда в этом же возрасте в рамках экспериментальной программы мы начали изучать на английском языке географию, преподаваемую молодым, внешне очень ярким, эффективным и амбициозным учителем — выпускником нашей школы Владимиром Ивановичем, стало ясно, что из нас стараются сделать гениев. Иначе как объяснить наличие таких изощрённых домашних заданий по английскому языку юным ученикам, как стихотворный перевод отрывков из поэм Байрона, Шелли, стихов Стивенсона и сонетов Шекспира. В словарях, с трудом отысканных моими родителями в магазинах и библиотеках, я не находила всех нужных для перевода слов, особенно употребляемых в незнакомом старинном английском стиле и старомодной форме, и изрядно попотев, отчаянно фантазировала на заданную тему.

Отличницей я не стала, но изобретательности научилась. Именно выдумка и изощрённость наряду с широкой эрудицией, приобретенные в школьные годы, помогли мне в дальнейшей жизни, взяв на вооружение лозунг «Никого впереди», добиваться успехов. Хотя путь к ним никогда не был лёгким. Но зато я горжусь тем, что проделывала этот путь самостоятельно, никого не эксплуатируя, не причиняя боли окружающим и не стыдясь своих отступлений и падений, которых тоже было немало.

Кстати, многие выпускники нашей школы давно проживают за рубежом, в том числе в Англии, Америке, Германии, Израиле, Италии, Швеции и Южной Африке, работая в самых престижных местах и должностях. Лишь случайно, разговорившись со своей одноклассницей Наташей, проживающей в Сан-Франциско, я узнала о громких успехах других своих школьных друзей и одноклассников, которые составляют гордость и Америки, и России. Взять хотя бы нашего одноклассника Андрея, который сопровождал сначала одного, а потом и второго, ныне действующего, российского президента, выступая в роли са-

мого любимого президентского переводчика-синхрониста. А ведь мой родной город Новосибирск всегда официально признавался российской периферией, потому что долгие годы он был практически закрыт для иностранцев. Только спустя годы я узнала, что там ещё в далёком 1959 году побывал тогдашний вице-президент США Ричард Никсон, которому Никита Хрущёв показывал необъятные сибирские просторы. На критическое замечание о неосвоенных громадных пространствах лидер Коммунистической партии СССР заверил высокого иностранного гостя в том, что город прославится наукой, и о нём узнает весь мир. Своё слово он сдержал: грандиозная стройка превратила периферийный город в крупнейший научный и образовательный центр России. Построенный в лесном массиве Академгородок напоминает по типу Лос-Аламос в штате Нью-Мексико на юге США, но превосходит это место по масштабу в десятки раз. Ещё раньше наш Оперный театр стал крупнейшим театральным зданием и одним из культурных центров страны. Никсон побывал здесь на балете «Лебединое озеро», не имея возможности видеть театральные спектакли в Вашингтоне. В столице США тогда ещё не было ни одного театра, а в моём родном городе публика уже посещала целых три!

Окончив школу, я поступила в Институт народного хозяйства, где на дневном отделении проучилась пять лет. Несмотря на своё раннее, в девятнадцать лет, замужество (мужем был красавец-абхазец Александр), я была одной из лучших студенток в институте. Два раза я занимала призовые места на научных студенческих конференциях по политэкономии, выступая с докладами в ведущих вузах Санкт-Петербурга и Алма-Аты. Готовясь стать преподавателем, как и мои родители и старшая сестра, я много времени и сил отдала изучению общественных наук.

Папа поощрял мою отличную учебу и всегда выдавал денежную добавку к моей, повышенной деканатом института на 25 процентов, стипендии по результатам сданных экзаменов в период зимней и летней сессий. Благодаря такому поощрению я очень много путешествовала и объездила во время студенческих каникул больше половины бывшего Советского Союза.

По мере взросления эта тяга к путешествиям лишь усилилась, а стремление быть всегда первой осталось в крови. Это у нас семейное: моя мама вплоть до старости постоянно рвалась поменять место жительства. В своё время, будучи молодой, она вдохновляла моего папу круто менять жизненные маршруты, переезжая из квартиры в квартиру. Позже под маминым нажимом, несмотря на постоянное яростное папино сопротивление («только через мой труп»), родители стали менять города, переехав на долгие 12 лет сначала в южный город Ростов-на-Дону, а потом в Москву. В Москве они прожили до глубокого пенсионного возраста, сменив три квартиры. Я всячески поддерживала и вдохновляла их на переезд в этот город, где сама жила с 1980 года, горячо убеждая папу в неоспоримых преимуществах столичной жизни. Приобретя статус столичного жителя, папа смог пользоваться до самой его смерти 10 июня 2001 года исключительными льготами ветерана Великой Отечественной войны и защитника Москвы, которые были доступны только москвичам.

Когда, почти оправившись от аварии, я решила отпраздновать «возвращение в строй», то думала о своей маме — необыкновенной женщине, которая 50 лет своей жизни посвятила уходу за мужем-инвалидом Великой Отечественной Войны 1-й группы (то есть человеком с самыми жуткими увечьями). Мой папа Василий Петрович, защищая Москву от фашистов, лишился правой ноги и правой руки, то есть фактически половины тела. Но при этом он имел красивое атлетическое телосложение, очень привлекательную внешность и необыкновенно сильную волю к жизни. Характер у него был весьма крутой, но человек он был наичестнейший, чем и пленил мою маму, ставшую его женой. Конечно, ухаживая за папой, постоянно обслуживая его, помогая ему с невероятно тяжёлыми протезами на ремнях, в которые он ежедневно облачался, и при этом работая на полную ставку в учебных заведениях, моя мама и не помышляла о каких-то дальних путешествиях.

Тем не менее, благодаря папиной работе и его статусу ветерана, родители регулярно бывали в лучших санаториях нашей былой бескрайней страны. Это были не только престижное

Черноморское побережье и Кавказские горы с их прозрачным воздухом и знаменитыми минеральными водами, но и республики Прибалтики, где русский человек чувствовал себя как за границей, читая вывески на незнакомых языках, слушая иностранную речь, созерцая непривычный, более современный и смелый стиль одежды, и почти всегда сталкивался с недружелюбным, холодным, подчеркнуто вежливым отношением к себе.

Мне очень хотелось свозить маму за рубеж. Было, на мой взгляд, очень несправедливо, что мама, столько лет обучая современных музыкально одарённых молодых людей общественно-политическим наукам и приводя им в пример Западную Европу и Америку с их экономическим прогрессом и разного рода достижениями, сама никогда не выезжала за границу. Я, кстати, тоже, успев поработать лишь четыре месяца на кафедре политэкономии в своём институте, занималась критикой теорий Джона Гэлбрейта, ни разу не имея возможности ознакомиться с его публикациями в оригинале. На том строилась тогда наша советская идеология.

Свой выбор я остановила на Нидерландах и через туристическое агентство купила 10-дневные путевки в Амстердам. Шенгенскую визу мне было получить легко: загранпаспорт уже до этого был испещрён визами после состоявшихся ранее поездок в Великобританию, Италию, Турцию, Болгарию, Румынию и Кипр. Правда, чтобы совершить свои первые поездки за рубеж, мне пришлось примерить на себя образ активной комсомолки и приобщиться к общественным делам в институте и на работе, иначе я просто не имела бы возможности официально встречаться с зарубежными ровесниками. Став членом комсомольского актива, я выполняла очень почётную миссию на всех проводимых в рамках моего района в Москве вечерах интернациональной дружбы: вручала на сцене главам иностранных молодёжных делегаций хлеб-соль. Такая традиция существует в России издревле: нарядная, одетая в яркий традиционный русский костюм девушка с косой подаёт дорогому гостю на подносе, покрытом рушником, круглый свежеспечённый хлеб с солонкой в центре и предлагает отломить

и отведать кусочек круглой буханки, предварительно обмакнув его в соль. Этот акт наивысшего гостеприимства до сих пор бытует в России и других странах, населённых славянскими народами. Я была молода, привлекательна, имела ту самую белокурую косу, заплетённую из длинных густых волос. На сцену для встречи гостей выходила в сшитом по собственному эскизу русском традиционном костюме из красного ситца и обутая в белые кожаные сапожки. Из дома приносила заранее купленный свежий хлеб и помещала его на круглый поднос, покрытый тщательно отглаженным рушником, подаренным мамой. Разумеется, после торжественной церемонии я могла примкнуть к толпе и неформально пообщаться как с гостями, так и с представителями «золотой молодёжи» Москвы. Но, видимо, из идеологических соображений это общение обычно ограничивалось рамками определённой программы, намеченной штатными работниками комсомольских и иных организаций. Прежде всего, надо было твёрдо следовать перечню тем и вопросов, которые методично разрабатывались и утверждались «наверху». Соблюдение этих установок зорко контролировалось присутствовавшими среди участников встречи «коллегами», подобранными из числа близких нам по возрасту. Но некоторые из нас прекрасно их распознавали по напряжённой мимике лица и серьёзной сосредоточенности. Они, как правило, были безликими, коротко стриженными и демонстрировали напускной повышенный интерес к зарубежным собеседникам, задавая им провокационные вопросы и комментируя их ответы критическими замечаниями, не забывая при этом нахваливать наш социалистический строй.

Воспользовавшись своим членством в комсомольском активе, я решила попытаться счастья съездить первый раз в жизни за рубеж. Автобусная поездка в составе многочисленной комсомольской группы должна была состояться в начале лета 1984 года и проходить по городам дружественных России Румынии и Болгарии. Чтобы быть зачисленной в отряд счастливых, за два месяца до намеченного события мне требовалось пройти очень серьёзное собеседование сначала в райкоме комсомола, а затем в райкоме КПСС. И если в первой инстанции

(райкоме комсомола) я имела дело с ровесниками, то в райкоме КПСС заседала целая комиссия из седоволосых мужчин и нескольких стержового вида дам зрелого возраста. У всех было очень суровое и сосредоточенное выражение лица: очевидно, их ответственная ежедневная работа предполагала тщательный отбор кандидатов в столь престижную 12-дневную поездку. Запомнился ряд специфических вопросов высокой комиссии. Помимо первых, пробных, на тему «Зачем и почему я еду в эти страны» (как будто был выбор поехать куда-то ещё), одна из дам с причёской «воронье гнездо», прищурившись, протянула: «А знаете ли вы, кто такой Георгий Димитров и за что его так ценят в Болгарии и в Советском Союзе, воздвигнув ему мавзолей?» Этот вопрос показался мне лёгким по сравнению с тем, который тут же, подхватив инициативу соседки по креслу и сиратницы по службе, задал мне лысеющий мужчина в пиджаке с засаленными лацканами: «Что из показательной речи Георгия Димитрова на Нюрнбергском процессе вас больше всего впечатлило?» Кровь прилила к моим щекам от стыда за отсутствие знания истории братского народа. Я вынуждена была признать факт собственного невежества и клятвенно заверила высокую комиссию в стремлении срочно обратиться к историческим источникам в городской библиотеке. Мне поверили и дали добро на выезд из страны.

К сожалению, из рядов комсомола я выбыла не по собственному желанию. В конце моей поездки по городам Румынии и Болгарии, остановившись в гостинице в столице Болгарии Софии, я созвонилась со своим болгарским знакомым, с которым до этого познакомилась в Москве, когда он был слушателем Академии народного хозяйства. Людмил работал в Совете Министров юрисконсультom и, обрадовавшись моему звонку, предложил заехать за мной в гостиницу и показать место своей работы и любимые места в Софии. Я его познакомила с руководителем нашей комсомольской туристской группы, и он великодушно разрешил мне отлучиться на несколько часов, предварительно проверив документы моего спутника.

Я побывала в здании Совета Министров, где мне был выписан временный пропуск, отобедала со своим знакомым, по-

сетила с ним лучшие центральные магазины города, где приобрела сувениры для дома, и заглянула на выставку картин его друга-художника. Увлёкшись интересными экскурсиями, я забыла о времени. Когда мой спутник привёз меня обратно в гостиницу, я поняла, что мне нет прощения. Людмил был одет в роскошный белый костюм и при прощании, открывая двери элегантной машины (тоже белой), захватил в охапку все мои покупки, чтобы помочь мне донести их до гостиницы. При прощании, оказавшись в его объятиях, я наблюдала завистливые взгляды соратниц-комсомолок, прилипших к оконным стёклам. А наш белобрысый руководитель Юрий прошипел: «Посмотришь теперь, что тебе будет за то, что ты меня подвела!» Вся группа туристов-активистов меня открыто бойкотировала, и никто не разговаривал со мной вплоть до нашего возвращения в Москву. А когда я вернулась, то была вызвана в районную организацию с требованием сдать свой комсомольский билет. Именно тогда я испугалась, что стала «невъездной». И именно это страшило больше всего. Ведь я так мечтала о путешествиях за рубеж!

Надежда на перемены пришла с «перестройкой», когда открылся, а затем и рухнул «железный занавес», отделявший рвущихся на свободу людей от тех, кто жил этой реальной свободой, а не слухами о зарубежной жизни и её благах, доверяясь привычным средствам массовой информации со специфическим идеологическим уклоном. О современной Америке и американцах я узнавала из телевизионных репортажей и телемостов, проводимых Владимиром Познером и его американским коллегой Филом Донахью, а также из документальных фильмов популярного журналиста-международника Валентина Зорина. К моему восторгу, большим потоком полились многократно скопированные видеофильмы наиболее известных американских режиссёров. Смотрели мы их, сначала собираясь в небольшие группы на квартирах у проверенных друзей. Позже начали обмениваться видеокассетами со знакомыми. И постепенно лёд тронулся...

Моя, в то время семидесятилетняя, мама придирчивым сотрудникам районного ОВИРа не казалась потенциальной не-

возвращенкой, потому и ей виза досталась легко. И в конце 1995 года мы с ней вылетели в Амстердам — город удивительной вседозволенности и в то же время высокой культуры и искусства.

Именно эта поездка пробудила во мне былые мечты и дала импульс к дальнейшему поиску жизненных приключений.

Когда немолодой американский знакомый юрист из Сент-Луиса стал забрасывать меня факсами и письмами, а затем звонить по телефону домой в Москву с заманчивым для меня предложением приехать в Америку и поработать на его небольшую частную компанию в качестве консультанта по маркетингу, меня это рассмешило: Америка казалась такой недосягаемой, особенно для длительного пребывания там. И хотя у меня каким-то странным образом на зависть всем подругам удачно складывалась личная жизнь, когда в меня серьёзно и основательно влюблялись интересные мужчины-иностранцы и предлагали выйти за них замуж с переездом то в Польшу, то в Болгарию, то в Германию, то в Италию, поездка в Америку казалась просто нереальной. Ведь даже в середине 90-х, когда многие русские уже сумели побывать за границей, получить визу в Американском посольстве казалось делом совершенно безнадежным. Все просители виз, особенно молодые, казались сотрудникам посольства потенциальными невозвращенцами и подвергались оскорбительным допросам с целью выяснения их «истинных намерений», а именно: попасть туда и раствориться в бескрайних просторах огромной прекрасной и столь притягательной страны, не помышляя о возвращении назад, на Родину.

Наверное, я была в молодости просто везучей и, добившись многого своим трудом и упорством, с радостью и энтузиазмом многократно экспериментировала, надеясь на лучшее будущее и не цепляясь за достигнутое. В Москве у меня была огромная комната в двухкомнатной коммунальной квартире в знаменитом круглом доме рядом со Сталинской дачей и видом из окна на историческое высотное здание университета. Эту жилплощадь я зарабатывала тяжёлых пять лет, далеко упрятав свой институтский диплом о высшем образовании и имея дело с дале-

ко не изысканной публикой в долгие дневные и ночные смены в подвалах котельных под надзором одурманенных алкоголем техников-специалистов по отоплению жилых домов или таская тяжёлые вёдра с водой для мытья заплёванных грязных полов в подъездах всё тех же домов. По истечении пяти лет, когда мне удалось «продвинуться» в системе жилищно-коммунального хозяйства, поработав несколько месяцев сначала секретарём, потом паспортисткой, а позже инженером и инспектором в административном управлении и получить свою, столь желанную, жилплощадь в Москве, я наконец смогла незамедлительно распрощаться с ненавистной кабалой и наполнить свою жизнь другим содержанием.

Три года подряд вечерами я ездила на занятия по итальянском языку. Получив свидетельство переводчика, я стала наслаждаться просмотром подпольно растиражированных фильмов на итальянском языке. В конце 80-х в России был бум на всё итальянское, и особенно на современную итальянскую музыку, которую можно было слушать в записях и на концертах популярных итальянских артистов в ведущих концертных залах Москвы.

В молодости я никогда не имела возможности побывать в Германии и потому, не зная этой страны, её не ценила и не рвалась туда. А ведь я давно могла бы там поселиться и безбедно жить либо во Франкфурте, либо в Мюнхене, где у моего незваного «жениха» Йозефа были дома. Пожилой (с точки зрения моего тогда молодого возраста) мужчина завидных академических знаний ездил ко мне в Москву девять раз в течение двух лет, выучил русский язык и покорно сносил мои жёсткие отказы выйти за него замуж, почему-то принимая их за кокетство. А я действительно не хотела уезжать с ним в Германию, потому что не любила. Мои многочисленные в то время подружки стаяей налетали на привозимые им подарки, примеряя на себя и своих мужей всевозможные наряды, в то время являвшиеся атрибутами импортного рая. Я боялась оставлять у себя дома привезённые Йозефом чемоданы и дорожные сумки с подарками и потому моментально раздавала всё это богатство за символические цены любопытствующим и нетерпеливым прия-

тельницам, оставляя себе лишь самое необходимое по сезону. Как много людей тогда поживилось за счёт Йозефа, облачаясь в модные, купленные им для меня, вещи! Как часто они принимали его угощения в ресторанах, которые он щедро оплачивал, надеясь задобрить моих друзей, чтобы те, в свою очередь, склонили меня к замужеству.

А ведь восьмидесятые годы были временем страшного дефицита, когда странно звучащее слово «перестройка» ещё не было в широком употреблении, но уже тогда стало по-снобистски упоминаться теми, кому, казалось, было ясно его глубинное значение. И именно тогда страну охватила волна эмиграции, когда очень многие пытались из неё вырваться, чуть-чуть глотнув свежего воздуха на волне обещаемых перемен. Йозеф настаивал на женитьбе, используя свои последние рычаги давления, обещая мне покупку современной просторной квартиры и машины «БМВ», демонстрируя каталоги с яркими картинками. Когда это не подействовало, он стал меня шантажировать обещанием открыто обратиться по радио за разрешением к самому Горбачёву. Испугавшись не на шутку, я стала твердить, что жениться мне «папа не разрешает». Надо сказать, что эта тупая присказка, озвучиваемая полшутя, часто меня выручала, заводя собеседника в тупик. Но не в случае с Йозефом, который при встрече в аэропорту Шереметьево-2 кинул к моим ногам купленную для меня длинную, до пят, шубу из канадского волка и, припав на колено, протянул мне кольцо в открытой коробочке. Я панически боялась спецслужб, которые, уверена, были начеку, и потому обратилась к своему папе за спасением.

Мои родители откликнулись и прибыли из Ростова-на-Дону на два дня специально для знакомства с Йозефом. Помню, как мы с мамой сутилились и накрывали стол на кухне, где строго восседал папа, готовясь ко встрече «жениха». Йозеф прибыл из гостиницы на такси и ступил на порог моей квартиры, дверь которой я сама открыла, заметно взволнованный и нетерпеливый. Он тут же вручил огромный букет цветов моей маме, обратившись к ней по-немецки, а потом устремился навстречу папе, протягивая ему подарки и твердя по-английски в расчёте на мой перевод, как сильно он меня любит. Папа отстранил

подарки рукой, громко заметив, что ему «ничего вражеского не надо». Так мы и провели обед в сильнейшем напряжении, когда я, выполняя функцию переводчика-дипломата, донесла до Йозефа папины слова отказа дать родительское благословение. Ситуация была убийственной, и я до сих пор испытываю кошмарные угрызения совести, вспоминая этот позорный эпизод своей жизни, когда прибегла к эксплуатации исключительно честных людей — своих родителей. С тяжёлым сердцем после ссоры со строгими мамой и особенно папой, которые через день сели на поезд и вернулись из Москвы домой, я дала себе обет больше не вспоминать Германию и немецких мужчин.

У каждого человека своя планида. Как выяснилось ещё много лет назад, моя — привлекать какие-то немислимые обстоятельства и быть их свидетелем и участником. Люди, ведущие скромный и тусклый образ жизни, меня никогда не поймут. Я не могу найти объяснения этой моей способности знакомиться с незаурядными людьми и постоянно быть вовлечённой в череду ярких эпизодов, счастливых и не очень. Не говоря уже о том, что я не по своему желанию и воле долгие годы принимала участие в судьбах людей, которые домогались моего внимания. Одно дело, когда человек сам выбирает себе круг общения. Но ведь встречаются и оппортунисты. И родственники, которые постоянно прибегают, эксплуатируя твои возможности. Достигнув с твоей помощью успехов, они начинают демонстрировать высокомерие. Скверно, когда завидуют твоим успехам и злорадствуют в случае неудачи. И ужасно — когда являются причиной твоих бед и несчастий.

Я горжусь тем, что «сделала» себя сама. Сама построила себе карьеру, ни на кого не рассчитывая. В Москве у меня не было никого, кто бы мог позаботиться обо мне. Выручали подружки, дружбу с которыми я пронесла через многие годы. Подруга заводила на работе, на которую устраивалась по счастливому случаю, когда меня почему-то предпочитали другим. Каждая предыдущая работа закладывала успешный фундамент для дальнейшего продвижения в моей профессиональной жизни.

На этикетке бутылки знаменитой «Столичной» водки красуется здание гостиницы «Москва», где в период «перестройки»

мне посчастливилось поработать два года сначала старшим товароведом, а затем администратором торгового зала. Я знала все потайные ходы этого здания, особенно в его подвальной части, где находился наш отдел снабжения «Комбината питания». В этом здании обедали депутаты, участвовавшие в первых двух съездах Государственной Думы (тогда это был ещё Верховный Совет СССР), когда по мраморным лестницам, устланным красными ковровыми дорожками, спускались самые достойные люди страны — Андрей Сахаров, Галина Старовойтова и многие другие, чьи имена сейчас всё реже упоминаются в российской прессе.

В здании этой гостиницы выпекали знаменитый на всю страну торт «Птичье молоко» в шоколадной глазури. На третьем этаже находился большой ресторан, оркестр которого сопровождал ужин танцами и музыкой по заказу обеспеченной публики, которая могла туда попасть исключительно по предварительной записи у администратора. А рестораны «Седьмое небо» на седьмом этаже здания и «Огни Москвы» на пятнадцатом вообще были мало известны широкой публике, потому что быстро заполнялись теми, кто умел проникать в них, зная туда дорогу.

Сейчас это здание перестроено, и я ничего не знаю о его современной «начинке», потому что ни разу не была внутри после реставрации. А тогда, в конце восьмидесятых, это был действительно громадный комбинат — образец и символ советского благополучия. Каскады широких мраморных лестниц, яркие длинные ковровые дорожки, тяжёлые хрустальные с бронзой люстры, громяхающие вместительные лифты с отполированными до блеска массивными дверями, бесконечные подвальные лабиринты и огромные по размеру картины Петра Кончаловского с изображённой на них развесистой сиренью в залах — всё это делало гостиницу по-настоящему уникальной. Именно в ресторане «Седьмое небо», а точнее — на его балконе с видом на Манежную площадь, проходили съёмки фильма «Утоли моя печали». Нас с приятельницей Людой — метрдотелем ресторана на третьем этаже — в обеденный перерыв в лифте гостиницы заметил директор картины и предложил сняться в кро-

хотных эпизодических ролях в этом странном и непонятном фильме, где в главной роли была занята таинственная и очаровательная актриса Елена Сафонова. На первом этаже гостиницы находились гастроном, кулинария, парикмахерская, а на втором — бар и два ресторана: «Русская кухня» со «шведским столом» со стороны главного входа и «Столичный» с видом на Большой театр и метро. Одна из станций метро тогда называлась «Площадь Свердлова», поскольку там стоял снесённый позже монумент Якову Свердлову. Именно там назначали деловые свидания не спеша возвращавшиеся с работы люди, и я в их числе, ежедневно направляясь к себе домой с этой станции до станции «Киевская». Холодной осенью, ожидая там своего знакомого из Еревана Гагика, который был проездом в Москве, я стала свидетелем первого в своей жизни убийства человека, стоявшего рядом со мной. Это был молодой мужчина, который, не успев остановиться, был расстрелян в упор из обрезка, принесённого в чёрном портфеле-«дипломате» другим мужчиной, пришедшим раньше и стоявшим напротив нас двоих. Звук был таким громким, а расстояние — таким близким, что я оглохла и онемела от произошедшего. Неожиданно возникший Гагик, схватив за руку, стремительно увлёк меня за собой подальше от злополучного места, позже посоветовав побыстрее стереть из памяти жуткий эпизод. Сам он работал в системе МВД, и поэтому моя истерика по поводу случившегося ему не передалась.

Это же здание гостиницы «Москва» во второй половине дня 28 мая 1987 года, в День пограничника и праздника ПВО, стало незабываемой смотровой площадкой для многих в ней тогда работавших. Нетерпеливые сотрудники, дожидаясь конца рабочего дня после обеденного перерыва, массово потянулись в отдел кадров, который располагался на третьем этаже с видом на Красную площадь. Отдел, состоящий из двух больших залов и кабинета начальника в дальнем помещении, был исключительно удобным местом для обозрения. Те, кто были в этот момент недалеко от больших окон, могли наблюдать необычное столпотворение на площади, где толпа зевак с любопытством рассматривала «голубя мира» Матиаса Руста, прилетевшего в Москву из далёкой Германии на маленьком, с лёгким фюзеля-

жем, самолёте поприветствовать Горбачёва. Все последующие дни мы только и делали, что обсуждали это экстраординарное событие.

В самом конце 1989 года мне выпала честь четыре месяца поработать администратором в Колонном зале Дома союзов. Вот где была настоящая красота и роскошь, которую зорко охраняли сотрудники девятого спецуправления! В здании была строгая пропускная система, осуществляемая привлечёнными штатными сотрудниками милиции, а в зале и вестибюлях царили величественный покой и безупречная чистота. В эпоху всеобщего дефицита приобщение к подобной «дворцовой» жизни казалось волшебством. Работая там, я могла удовлетворять не только гастрономические нужды, приобретая масло и яйца для своих подруг, но и утолять культурную жажду. Ведь в этом здании проходили не только похороны самых высокопоставленных людей страны, но и самые роскошные концерты высочайшего уровня, на один из которых я даже сумела пригласить своих родителей, по случаю находившихся в то время в Москве. Сама я в зале сидеть не могла, но своих папу с мамой жадно провожала взглядом из-за приоткрытой двери. Помню, как в антракте меня, проверяющую работу буфетов, потянула за косу крупная яркая женщина с перекинутым через плечо роскошным, набивным с подрубкой, павловопосадским платком. Её сопровождали двое молодых мужчин. Я её сразу узнала: Элина Быстрицкая — величественной красоты статная женщина-актриса с сияющей улыбкой.

Я очень горжусь тем, что имела возможность видеть в этих красивых, имеющих историческую ценность, зданиях столько ярких и достойных людей.

Следующее моё место работы позволило познакомиться с целыми пластами культуры и нравами народов Востока. В конце 1990 года в Центральном доме туриста Москвы открылось первое в своём роде совместное российско-арабское предприятие по типу дорогого увеселительного клуба с большим рестораном и баром. Там мне «посчастливилось» стать менеджером сразу у двух господ: одного, представлявшего российскую сторону и соблюдавшего все требовавшиеся формальности по осу-

ществлению сотрудничества с другой стороной, и реального хозяина-иорданца, финансировавшего этот проект.

Ресторанный зал строили долго и основательно, соорудив в его центре причудливый фонтан с тяжёлой лепниной, устроив кабины с мягкими диванами для «высоких» гостей и соорудив барельеф с копией фрагмента стены из «Петры». В торжественном открытии зала были задействованы все сотрудники предприятия. Российский хозяин заставил официантов и метрдотелей вручную гладить скатерти, иорданский всех своих сотрудников-арабов — многократно перепроверить составленное меню и форму одежды каждого из числа обслуживающего персонала. Были приглашены все послы и аккредитованные в Москве полномочные представители стран арабского Востока. Особенно блистали нарядами их жёны — посланницы Сирии, Ирака, Египта и Арабских эмиратов. Велась прямая телевизионная трансляция произносимых почётными гостями речей. Три тщательно наряженные и причёсанные переводчицы, нанятые нашим господином Ибрагимом Мухаддином, ни на минуту не умолкали. Телевизионные операторы скользили своими камерами из стороны в сторону, попевая за словоохотливыми и гостеприимными хозяевами.

Потом начались рабочие будни и служение «хозяевам», которых становилось всё больше и которые требовали особого внимания и почтения к своей особе. Один из них, коммерческий директор Муса, бывший выпускник ленинградского вуза, был женат на молодой женщине — миловидной тихой светловолосой Оле. Он свободно изъяснялся по-русски и имел двоих малолетних сыновей, которые вместе с его русской женой и тещей совершали частые наезды в Москву, останавливаясь в здании нашей гостиницы в апартаментах. Когда он появлялся в зале, то начинал придирается к официантам и женщинам-работницам складских помещений, которых вынуждал постоянно оправдываться и извиняться за любой проступок. Все сотрудники с российской стороны были людьми высокообразованными и считали за огромную удачу иметь работу в подобном предприятии, выполняя роли охранников, кладовщиц, кассиров, посудомоек, официантов и уборщиков.

Приближалось начало «лихих» девяностых годов. С приходом нового, 1991, года грянула денежная реформа, и все деньги трудового населения вмиг обесценились, превратившись в разноцветные фантики. По-своему доставалось и молодым мужчинам-метрдотелям, приехавшим на работу из Сирии и Египта, чтобы заработать деньги для своих семей. Двое из них, сирийцы, были по-настоящему культурны и вели себя сдержанно и тактично. И только один — самый молодой из них, худощавый египтянин Асад, которого за его высокий рост, отвратительное угодничество и неприятную внешность мы прозвали «Верблюдом», был фаворитом у своего арабского начальства, проявив себя в роли надсмотрщика и стукача. Он был малообразован и в отличие от двух других своих коллег очень плохо изъяснялся по-английски.

С началом Первой войны в Персидском заливе к нам в зал зачастил посол Ирака — высокий поджарый мужчина с очень специфической внешностью и бегающим взглядом. Он задерживался в кабинах до 2–3 часов ночи, чем вызывал раздражение официантов, которые спешили домой к семьям. Свой поздний ужин он неизменно проводил в компании очередной молодой девушки с ярким макияжем, которую потом уводил в апартаменты своего друга — нашего хозяина — на 28-й этаж. При этом всем подобало улыбаться и стоя приветствовать появление носителя почётного дипломатического сана. В руке у него всегда был обязательный атрибут — подарок для очередной сопровождавшей его особы, помещённый в большой тёмный полиэтиленовый пакет. Оказалось, что подарок был стандартным, невзирая на возраст и внешние данные его избранниц: он состоял из чёрного с золотыми блёстками платья, коробки с флаконом традиционных сладких арабских духов и перламутровой помады. Лицо этого худощавого посла, как и его однажды появившегося высокого стройного рыжеволосого и голубоглазого гостя, потом мелькнуло в документальной телевизионной хронике о времени военного правления Саддама Хусейна.

Благодаря тесному сотрудничеству с арабским персоналом, я не понаслышке узнала, что такое вечерняя молитва для мусульман-иорданцев, когда только что прилетевший экипаж

из 28 взрослых мужчин, вымотанных долгой, изнурительной дорогой, вместо того, чтобы спешно направиться к уже готовому накрытому столу в зале ресторана, мгновенно скинув обувь, разом метнулись в угол, встав на колени на глазах у изумлённых редких посетителей — гостей зала.

Я также лично наблюдала, сочувствуя официантам, что такое разгневанный мужчина-араб. Яростно вращающий красными глазами и грозящий всех уволить и предать проклятью господин был не на шутку взбешён поступком опытного симпатичного официанта-татарина Рамиля, который не мог отказать в просьбе кому-то из постояльцев гостиницы, заглянувшему в наш ресторан и попросившему на несколько минут дать нож для нарезки колбасы. Разразился дикий крик, на который я прибежала в зал, когда наш коммерческий директор прознал об этом вопиющем случае «осквернения» ножа, который Рамиль после использования дерзнул вернуть на кухню. Я стала успокаивать Мусу, который вёл себя, казалось, так театрально. Оказалось, что это был по-настоящему страшный грех, о котором мы и не подозревали. Никакие многократные извинения не помогали. И только заступничество хозяина в итоге даровало нам милость.

Я рада, что успела набраться столь ярких впечатлений за четыре месяца работы в этом незабываемом месте, где по счастливому случаю познакомилась с руководителем многочисленной туристической группы греков-киприотов — своим ровесником Андреасом. Он поинтересовался, насколько сильно я дорожу своей работой. И когда, разговорившись, выяснил, что дорожу, но не сильно, предложил мне съездить к нему в гости на Кипр и побывать в гостиничном комплексе братьев Грутас, генеральным менеджером которого являлся, чтобы в перспективе там поработать. Я с радостью согласилась.

Я начала писать эту повесть шесть лет назад, следуя напутствию своей мамы. Мой скромный печатный труд, несомненно, не претендует на серьезное заявление о себе.

Первую половину своей насыщенной интересными событиями жизни я провела в России, а второй продолжаю наслаждаться в Америке.

В России я получила высшее экономическое и специальное медицинское и языковое образование и успешно попробовала себя в профессиях товароведа, менеджера международного ресторанного и гостиничного бизнеса, администратора торгового зала в итальянской компании и руководителя группы торговых закупок в британской корпорации, а также специалиста по маркетингу и развитию торговых предприятий в рамках программы Евросоюза.

Живя в Америке, я продолжаю изучать иностранные языки и совершенствовать свои навыки в разных областях. Пять лет подряд я работала по контракту с Министерством юстиции США экзаменатором по русскому языку. Сейчас мне больше всего нравится заниматься устными переводами и особенно — юридическими, которые позволяют существенно расширять кругозор, в том числе в вопросах иммиграции.

Последние годы время от времени я преподаю русский язык и знакоблю с традиционной русской культурой американских студентов-дипломатов, направляющихся на службу в бывшие советские республики.

Тот факт, что Америка и Россия продолжают рьяно противостоять друг другу, используя все возможные методы пропаганды, очень огорчает и косвенно влияет на мою повседневную жизнь. Именно по этой причине я закончила свою прерванную писательскую работу лишь только в самом конце 2016 года.

Елена Хьюс

ISBN 978-1-940220-60-4

9 781940 220604

